

Второй шанс. Отцы и дети

Давыдова Ирма

$E=mc^2$

$2 \times 3 = ?$

Ирма Давыдова

Второй шанс. Отцы и дети

«Литнет»

2025

Давыдова И.

Второй шанс. Отцы и дети / И. Давыдова — «Литнет», 2025

У нас ребрендинг! Теперь мы не «Мы отомстим вместо тебя», а «Второй шанс». Не только измены - мы поможем исправить вам что угодно! Испортились отношения со свекровью? Поругались с начальником? Соседка навела на вас порчу? Ой, погодите, порча вроде как не наш профиль... В общем, оставляйте заявку на сайте, и мы обязательно рассмотрим её в ближайшее время. И если система выберет вас, то наш специалист поменяется с вами местами и всё наладит. Кстати, вот здесь, внизу, подпись поставьте. Конфликт отцов и детей стар, как этот мир. Матерей и дочерей - тоже. Вроде бы, не одно поколение уже успело набить в нём шишки, а значит всё должно пойти у Миры, как по накатанной. Тогда почему из маленького замечания выплывает конфликт такой силы, что тебя буквально сбивает с ног? Но одного наша героиня не может знать наверняка: её работа - это помеха в отношениях с дочерью, или, наоборот, подспорье... Любые совпадения в книге с реальными событиями - только совпадения, помните об этом...

© Давыдова И., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Пролог.	5
Глава 2. В новом теле.	9
Глава 3. Среди родных стен.	13
Глава 4. Наблюдение.	16
Глава 5. Школа.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глава 1. Пролог.

Ничего не успеваю. Решительно ничего, и это я, к вашему сведению, ещё до сих пор домохозяйка! А всё почему? И по какой причине? Понятия не имею, но возможно те лекции по тайм-менеджменту оказались просто пустым звуком.

Итак, меня зовут Мира, мне сильно слегка за тридцать, и я по-прежнему безработная. То, что делаю для агентства «Второй шанс» - не в счёт. После последнего перемещения я, если честно, готова была заикаться о работе в какой-нибудь кофейне рядом с домом. Но до того, как открыла рот, мой муж Константин сам предложил пока взять паузу с вопросом трудоустройства. Мол, раз уж Стасику, моему шефу, а заодно и новому закадычному товарищу Кости, обещано было, что я перемещусь ещё один раз, то и нечего куда-то там соваться. А образовавшееся время лучше потратить на различные курсы и тренинги.

Сказано – сделано. Львиную долю информации муж перелопатил для меня сам, просто выдавая ссылки с описанием, а после оплачивая то, что мне приглянулось. Кое-что я выбирала на свой вкус. Но, если честно, пока меня особо ничего не зацепило. В голове укладывалась тонна различной информации, я исписала три блокнота, но так и не придумала, чего хочу. Зато могу сказать точно, что если у вас не получается разобраться в каком-либо вопросе, наверняка об этом уже снял видео какой-нибудь индус или китаец. Ну и что все эти видеозаписи коучей оказались полнейшей фигнёй. Возможно, конечно, я просто до такого не доросла, но после одной или двух лекций начинаю понимать, почему продавать знания становится куда как выгоднее, чем пользоваться ими самой.

Собственно, именно из-за участия в очередной онлайн-семинаре я сейчас опаздываю на встречу к Стасу, который должен именно сегодня провести какие-то там контрольные замеры и калибровки. Клиентка будет, разумеется, опять из добровольцев, хотя не сомневаюсь, что и платные услуги этот ушлый товарищ не перестал оказывать. Просто они проходят мимо меня. Не то, чтобы меня это задевало, ведь платят-то всегда одинаково. Но мысль о том, что больше я не такая незаменимая, как раньше, вводит в уныние. Самую малость, разумеется.

Чёртова лекция! Скачу на одной ноге, пытаюсь сообразить, одинаковые ли на мне сейчас гольфы: под джинсами не видно, есть на правой ноге сверху белая полоса, или нет. А, впрочем, ладно. Кому какое дело, в чём я пролежу несколько дней в капсуле? Поэтому натягиваю второй, чисто чёрный гольф, и пытаюсь отыскать взглядом расчёску.

- Ньюша, ты не видела, куда я подевала свою косметичку?

Отвечает мне, разумеется, тишина. Даже не сомневаюсь, что дочь сидит сейчас в наушниках, и вряд ли у неё там лекция по химии.

Заглядываю к ней в комнату, и точно – в телефоне.

- Ньюша! – повторяю громче. Мой подросток поднимает тяжёлый взгляд и вытаскивает один наушник. Ладно, и на том спасибо. – Косметичку мою не видела?

- Не видела, - бурчат мне в ответ, и наушник возвращается на место.

Ну ясно. Опять кто-то на неё не так посмотрел, что-то не то сказал, как-то неправильно подышал рядом. Четырнадцать лет априори сложный возраст. Когда столько исполняется твоему первому и единственному ребёнку, это ещё сложнее. Я как-то с самого начала записала себя в плохие матери, и просто стараюсь стать для дочери подругой. Не лезть лишний раз, не навязывать своё мнение. Но иногда так и хочется рывкнуть.

- Доча, ты хоть для приличия учебник открой, - тяну, бросая взгляд на часы. Для душе-спасительных разговоров времени в обрез, через пять минут уже приедет такси. – Папа вечером придёт, обязательно спросит, что сделала.

- До вечера открою, - тон не меняется ни на йоту, и я опять вздыхаю про себя. Спокойствие, Мира, только спокойствие.

- Ньюша, я тебя очень прошу, займись уроками. Это ведь твоё будущее.

- Mam, ты же идти куда-то там собиралась? Вот и иди на свою волонтерскую работу.

Так. Так...

- Ньюш, я всё понимаю, у тебя могут быть какие-то свои проблемы, - кажется, для ласкового голоса здесь не место – пора включать в себе строгую тетку. – Но будь добра, веди себя вежливее.

- Как раз «ты» ничего не понимаешь.

Дочь поднимает наконец-то на меня взгляд, и тот кажется злым. Как же не вовремя всё...

- Хорошо, если я не понимаю, то объясни, - складываю руки на груди, мысленно уже готовая оплачивать таксисту время простоя. Потому что за четыре минуты мы точно не успеем поговорить. – Давай поговорим.

- Зачем нам говорить, если тебе всё время некогда? – хмыкает моя девочка, и снова утыкается взглядом в телефон. – Всегда находятся другие дела, поважнее собственной дочери.

- О чём ты, Ньюша? – опять стараюсь перейти на мягкий тон. Она что, ревнует? – Я ведь рядом, и ты знаешь, что всегда можешь ко мне обратиться.

- Рядом, серьёзно?! Сколько раз ты уже терялась из дома в эти свои странные командировки? Да мы с папой даже не уверены, что опять не сбежишь куда-нибудь на три года! Раз – и нет тебя.

- Ньюша...

- Да что ты заладила со своим «Ньюша то, Ньюша это»? – взвизгивает дочка, не дав мне договорить. – Даже забыла, как меня зовут? Напомнить?

Я открываю рот, но тут же его и захлопываю. Такого у нас ещё никогда не было. Да, Ньюша не самая покладистая девочка. Порой она может и капризничать, и бурчать, но на то она и подросток. Но чтобы так, с такою неприкрытой агрессией обращаться ко мне – подобного за неё до сих пор не замечалось... Значит, сейчас мне нужно быть особенно осторожной со словами.

- Доченька, в чём дело? Что тебя беспокоит?

- Ты меня беспокоишь, ты! – Ньюша резко поднимается и идёт на меня. Я же автоматически делаю шаг назад, и вот мы уже обе в коридоре. – Чего ты лезешь ко мне? Нормально же, спокойно жили без тебя. Но вот ты вернулась, и мне что, надо делать вид, что всё в порядке? Слушать тебя, относиться как к хрустальной вазе, как папа. Этого ты от меня требуешь?

- Ньюшенька, но...

- Хватит! Хватит называть меня этим дурацким детским прозвищем. Хватит носиться со мной, как с маленькой. Хватит вести себя так, будто ты меня любишь и никогда не бросала.

- Доченька, но я тебя действительно люблю, - пытаюсь достучаться я до разума своей девочки. Но та, кажется, уже накрутила себя по полной программе. – Ты – самое ценное, что есть в моей жизни.

И это правда. Были моменты в моей жизни, а в особенности – в жизни в больнице, когда только воспоминания о дочери и помогали выкарабкаться из небытия. Всё-таки как бы я ни любила Костю, он никогда не был частью меня. Но моя доченька, которую вынашивала, кормила, запахом которой надышаться не могла, пока она была крошкой – она всегда будет занимать в моей душе особенное место.

- Если, как говоришь, ты меня любишь, то почему бросила тогда? – Ньюшенька всхлипывает, и мне очень хочется прижать её к себе. Мы проговаривали те события не один раз, но кажется, этого ей не хватило. – Ты хотя бы представляешь, через что мне пришлось пройти? Как на меня смотрели и как вчерашние подруги шептались за спиной? Считаешь, я от хорошей жизни поменяла школу, а папа – работу?

- Детка... - выдыхаю. – Если бы я не ушла тогда, то просто не выжила. Мне нужен был этот шанс!

- А знаешь что, мама? - спрашивает Нюша, и это её «мама» звучит, словно плевок. – Порой мне кажется, что лучше бы ты и вправду умерла. Мы бы тогда хотя бы жили спокойно.

Дверь захлопывается перед моим носом, а я стою в коридоре, словно оглушённая. Умерла? Умерла... Лучше бы я умерла.

Кажется, некоторое время я так и простояла, но меня отвлекает какая-то вибрация. Несколько секунд ушло на то, чтобы сообразить – это же мой телефон. Вытаскиваю его из кармана и отвечаю, не обратив внимание, что номер мне незнаком.

- Слушаю.

- Женщина, это такси. Вас ещё долго ждать? Если не хотите ехать, то отменяйте поездку в приложении!

- Уже спускаюсь.

На автомате беру в руку сумку и кардиган, натягиваю на ноги туфли и выхожу. Сажусь в такси – к счастью, своё, рассеянно киваю на уточнение адреса. Пристёгиваюсь после второго напоминания водителя и молча радуюсь, что в современном мире мне не нужно отсчитывать деньги – те просто спишутся с моего счёта.

В голове какой-то сплошной туман. Кажется, я даже не помню, закрыла ли входную дверь, но раз ключи во внутреннем кармане сумки, то наверняка сделала это. Или за мной потом закроет Нюша.

Чёрт... Смотрю на свои пальцы и вижу, что они трясутся. Меня всю колотит, и успокоиться никак не получается. Рациональная часть меня пытается достучаться до сознания и напомнить, что только что у нас просто случилась небольшая стычка с ребёнком. Она говорила это всё не со зла, а скорее всего даже ляпнула, не подумав. И я почти уверена, что ей за те слова стыдно, потому что не может же она и вправду желать своей матери смерти. Или может?..

- Женщина, у вас всё хорошо?

Поднимаю голову и смотрю в зеркало заднего вида. Там я встречаюсь взглядом с водителем, который вряд ли рад такой пассажирке.

- Да, всё нормально.

- Вы вся бледная, даже губы. Если нужен врач, говорите заранее – у меня график, не хотелось бы его сбивать.

- Со мною всё в порядке, - говорю уже твёрдо, с нажимом. Не хватало ещё терять лицо перед посторонним. – Будьте добры, сосредоточьтесь на дороге.

Мужчина поджигает губы, но до конца маршрута не произносит ни слова. Меня это полностью устраивает, потому что не понимаю, как мне быть. Я опрометчиво считала, что если мне не напоминают о прошлом, то для нас это всё забылось. И раз дочка так сходу приняла меня, то всё в нашей семье по-старому. Она – моя маленькая девочка, любительница пирожных и крекеров с сыром, которая просто обожала, когда я читала ей сказки часами напролёт. Но о чём я никогда у неё не спрашивала, так это о том, как девочке жилось без меня. Мне не хотелось ворошить прошлое, и Костя настаивал на том, чтобы всё забыть. Возможно, он делал это для меня, чтобы не травить душу ещё сильнее. Но сейчас мне ещё больше от того, что моя малышка проживала всю ту боль в себе.

Такси останавливается на парковке, и я выхожу, скупно прощаясь. Даже без чаевых обойдёмся, тем более с меня и без того списали за простой машины. Да и не до таксиста мне, если честно. И пока поднимаюсь по лестнице, не перестаю думать о том, что может быть для Нюши и вправду было бы легче, если бы я не появлялась больше в её жизни. Вдруг она меня ненавидит после всего того, что было? А что было конкретно, я даже примерно не представляю...

- Мир, ты опаздываешь.

Поднимаю глаза и понимаю, что на автомате не только поднялась по лестнице, но и своим ключом открыла дверь в лабораторию. Станислав Волков, этот безумный и гениальный учёный, уже сверлит меня недовольным взглядом, но я не особо впечатлена – он всегда такой.

- Ты что, заболела, что ли? – мужчина подходит вплотную и внимательнее осматривает моё лицо. – Белая, как мел.

- Всё в порядке, - мотаю головой, но Стасика этот ответ не удовлетворяет.

- И трясёт тебя как-то странно. На улице что, холодно?

- Немного зябко, - вру, потому что Стас не тот человек, с которым мне стоит откровенничать. Тем более, мы не одни.

Клиентка уже сидит в кресле, притянув к себе небольшой рюкзачок. Каштановые волосы, собранные в высокий пучок, огромные зелёные глаза, напуганное личико. Умом я понимаю, что она наверняка совершеннолетняя, иначе Стас бы просто не пустил её на порог. Но всё равно ловлю себя на мысли, что девочка выглядит почти ровесницей моей Ньюши.

Ньюши... Кажется, действительно пора завязывать с этими детскими прозвищами. А когда вернусь, обязательно поговорить. Мы попьем чаю со сладостями, слопаем по порции фруктового льда и просто поболтаем, как подружки. Наверняка у неё был сегодня сложный день, и она не имела ввиду ничего такого.

«Лучшие бы ты и вправду умерла».

Нет, это не может быть правдой. Реальность, в которой и вовсе отрицается моё существование – разве такого она может желать?

- Мира, да соберись ты!

Стасик уже шипит, и я стараюсь сделать вид, что сосредоточена на работе. Хотя на самом деле даже имени девочки не запоминаю. Зачем оно мне? Перемещусь, и всё узнаю, а пока голова всё равно не варит. Никак не получается сосредоточиться...

Мой шеф заканчивает приготовления и отправляет в капсулу девчонку, что наверняка выглядит ещё более бледной, чем я. И абсолютно точно напугана. Но малышка не отступает: её пусть и не с первого раза, но погружают в сон.

- Не нравишься ты мне сегодня, - хмыкает начальник, склоняясь надо мной. – И показатели не в норме... Точно сможешь отработать?

- Всегда всё было в порядке, - отмахиваюсь, потому что иначе придётся всё рассказывать Стасику, а я так не могу. Не в состоянии пока даже себе признать, что моя дочь хотела бы, чтобы меня не стало. – Давай начинать.

- Ну как скажешь...

Крышка надо мной закрывается, и я начинаю медленно дышать. Сама же и понимаю, что ни черта у меня не получается, а собственный пульс могу даже слышать. Сосредотачиваюсь с огромным трудом, но перед глазами всё равно стоит захлопнутая дверь детской.

Вдох. Выдох. Надо побыстрее разделаться с этой работой и обязательно поговорить с Ньюшей. Обязательно...

Хорошие мои, это уже четвёртая книга цикла, и кажется она дастся мне намного сложнее остальных, так как тема для меня новая. Надеюсь на вашу поддержку и комментарии:) А пока у нас пауза до понедельника, чтобы дальше главы шли опять каждый день.

Берегите себя!

Глава 2. В новом теле.

После второй кружки чая становится полегче. Во всяком случае, я хотя бы уже вспомнила, кем являюсь на самом деле. Я – Мира, специалист агентства «Второй шанс», и нахожусь сейчас при исполнении. А вот кого «исполняю» — это для меня пока загадка, потому что воспоминания клиентки попросту не подгрузились.

Стас, разумеется, рвёт и мечет. И правильно делает, потому что всё это полностью моя вина. Мы поругались с дочерью, и эта эмоциональная встряска сказалась на мне. Я была нестабильна, а оператор не может позволить себе подобного. Максимальная концентрация на деле является основным залогом успешного перемещения, но вот как раз сосредоточиться у меня не получилось.

Процесс переселения души прошёл, за это Станислав мог поручиться, ведь приборы со стороны клиентки показывали стандартные параметры. Значит девочка уже где-то там, в моём теле. Другое дело, что из-за конфликта с моей стороны пакеты с данными не в состоянии проявиться в полной мере, и по итогу мы получаем взрослую женщину в теле подростка, но без его мышления и воспоминаний.

- Расскажи мне про нашу клиентку, - прошу шефа то ли чтобы отвлечь его, то ли чтобы самой настроиться на деловой лад. – И почему такая маленькая?

Обычно нашим гостям хотя бы за двадцать пять. Один раз, последний в работе на «Мы отомстим вместо тебя» я попала в тело девушке, которой недавно исполнилось двадцать один, но нынешней вряд ли больше восемнадцати. Ну да, всё верно – она же ещё школьница...

Волков стрельнул на меня гневным взглядом, но в итоге махнул рукой и обречённо уселся напротив. От того, что продолжит метаться и отчитывать меня, проблемы сами по себе не рассосутся, а работать как-то надо.

- На самом деле, это третья по счёту из кандидаток, - признаётся Стас. – С бесплатными клиентками же как? Берём списки, и кто ответит, того и тапки. Я вообще-то собирался взять твою ровесницу – чем ближе ментальный уровень, тем меньше усилий требуется от оператора. Ей просто нужно было провести завтра праздничный ужин со свекровью, но дамочка не смогла приехать. Видите ли, с утра надо закупать продукты!

Стасик так демонстративно фыркнул, что я сразу понял – голоден. Подлила в его кружку чай, пододвинула ближе розетку с печеньем. На меня смотрели по-прежнему недобро, но под хрумканье сдобы рассказ пошёл как-то повеселее.

- Следующая – толстушка, которая боится отправиться на фотосессию.

- А мы ей зачем? – удивляюсь, тоже вытаскивая из вазочки кружок печенья. – Отказалась бы от съёмки, и всего делов!

- Так в том-то и дело, что она мечтала попробовать профессию фотомодели плюс-сайз, или как это там правильно называется. Но вчера подвернула ногу, тренируясь походке на шпильках, и теперь наши услуги для неё не актуальны. Выбор у меня был между этой школьницей и офисной сотрудницей, у которой не получается соблазнить коллегу по работе.

- Спасибо, школьница меня вполне устраивает.

Про себя я, разумеется, вздыхаю. Второй вариант довёл бы Костю до седых волос, особенно если учесть, что Стас вообще разучился держать язык за зубами. Подозреваю, раньше у него и близких друзей-то не было, вот и мелет что ни попадя, а мне потом выслушивай от мужа.

- Короче, я написал этой Лёле, она примчалась прямо после уроков и – вуа-ля! – мы совершенно бестолково произвели обмен. Как я теперь буду калибровку проводить, нервная ты наша, а?!

Печенюшная магия закончилась, и на мою голову обрушилась вторая порция упрёков. Подозреваю, предвидится и третья, если не перевести энергию начальника в другое русло, и потому пытаюсь вызнать о нашей гостье немного побольше.

- Лёля – это ведь сокращённое от «Ольги»?

- Нет, от Елены.

- Надо же...

Действительно, удивили. Такое уменьшение имени я слышу впервые, хотя Лёлей можно было называть много кого. С другой стороны, я и сама называю свою Анну Константиновну Нюшей. Вернее, называла. Пора избавляться от старых привычек.

- Эй, не кисни мне тут, - фыркнул Стас, который мгновенно улавливает, что я опять погружаюсь в меланхолию. – На вот, осмотри анкету, изучи как следует и топай работать.

- Стас, а мы обратно всё вернуть не сможем? – пальчиками прохожусь по корешку жёлтой папки, в которой находятся распечатанные листы с данными Елены, но открывать не тороплюсь. – Раз уж процесс не пошёл как надо, то может проще отмотать ситуацию назад? А я приду к тебе хоть завтра.

Зато сегодня вечером мы с Нюшей поговорим по душам. С Аней, в смысле. Я даже не сомневаюсь, что в ближайшие часы она бы не открыла мне дверь, но к вечеру обязательно должна сменить гнев на милость и дать нам возможность обсудить всё, что произошло и сегодня, и многим раньше.

Я попросту не верила в то, что дочь говорила всерьёз. Моё сердце отказывалось это делать. Но она сказала, и теперь надо выяснить причину. Если бы Нюша была в истерике, можно было бы много чего предположить, но нет, она именно злилась своей холодной и продуманной злостью, которая начала появляться у подростка какое-то время назад. Не существует плохих эмоций – есть только неправильный способ их проживать, и мне просто необходимо донести это до своей девочки.

- Нельзя, - шеф мотает головой и засовывает в рот ещё одно печенье. А я запоздало понимаю, что опять отвлеклась. – В силу не до конца завершённой гормональной перестройки у клиентки нестабильная нервная система. Её мозг не сможет обработать такой переход, придётся подождать хотя бы сорок восемь часов. А как мы будем прикрывать её отсутствие перед родителями?

Я представила, что бы сказали мы с Костей, если бы наша дочь пропала на два дня, и покрылась холодным потом. Четырнадцать лет или восемнадцать – они всё равно ещё маленькие, неопытные и требующие нашей защиты. Получается, вариант с обратным перемещением отпадает.

Раскрываю-таки папку и погружаюсь в чтение. Елена Минаева, восемнадцать лет исполнилось в прошлом месяце. Ученица выпускного класса весьма престижного лицея, отличница, хобби отсутствуют, ну или она их не прописала. Из личных данных – старшая дочь в семье, есть младший брат-третьеклассник и годовалая сестрёнка. Причина обращения: Лёля хочет сдать экзамен по математике досрочно, но боится, что ей помешают это сделать.

Я приподнимаю бровь, пытаюсь понять, в чём загвоздка. Сдать экзамены?

- Ста-а-с, - тяну, привлекая к себе внимание мужчины. – Ты ведь с ней разговаривал – в чём там проблема на самом деле?

- Экзамены боится не сдать, - начальник пожимает плечами. – В анкете же написана причина.

- Она не готовилась к нему, что ли, или боится не справиться с мандражом? Потому что первая причина – это не к нам, а к репетиторам, притом полгода назад как минимум.

- Кажется, Лёля просто побаивается, что ей помешают это сделать. Мир, я не стал толком выспрашивать – девочка была весьма зажата и побаивалась меня, - признаётся Стас. – Я

очень надеялся, что её разговоришь ты, но кое-кто, - начальник выделяет это слово, - и сама притопала, как зомби.

- И теперь мы даже не понимаем, в чём дело, - подхватываю я. – Скажи, есть ли шанс, что воспоминания всё-таки придут?

- Если вспомнить анекдот про женскую логику, то пятьдесят на пятьдесят: либо придут, либо нет. Возможно уже с утра ты получишь всю картину, а может Лёле просто надо будет увидеть кого-то из родных или... ну не знаю, любимый сериал посмотреть. Короче, топай к ней домой, а там по ходу разберёшься.

Поднимаю глаза к потолку, но молчу. Начальник у меня весьма своеобразный, и очень часто чтобы хоть как-то с ним взаимодействовать приходится рывкать и включать в себе режим гопника. Но сейчас совесть не позволяет мне огрызаться, ведь в такой ситуации мы оказались по моей вине. Мне надо было либо взять себя в руки, либо попросить об отсрочке, а я понадеялась на авось.

Прохожусь взглядом по личному делу маленькой Леночки Минаевой, и где-то внутри всё сжимается. А ведь она тоже ещё подросток, со своими проблемами и горестями. Вряд ли девочка пришла к нам от хорошей жизни, да даже если и нет – любая проблема в этом возрасте кажется глобальной. И мне очень хотелось защитить Лёлю. Сделать хоть что-то, чтобы помочь, хотя прекрасно понимала, что во мне говорят чувства к совершенно другому ребёнку.

- А адрес ты знаешь? – уточняю у Стаса, понимая, что в эту операцию просто обязана выложиться по полной. – Здесь только паспортные данные о прописке, но ты и представить себе не можешь, сколько людей сейчас снимает квартиры.

- В мои времена адрес писали на обратной стороне дневника. Или посмотри на подкладке школьного ранца.

Мы оба переводим взгляд на рюкзачок Лёли и до меня наконец доходит, что он действительно школьный. Девочка и вправду пришла к нам сразу после уроков. На всякий случай я, конечно, проверяю содержимое, но там ровно то, что и ожидала увидеть.

- Стас, ты безвозвратно устарел, - хмыкаю, перебирая канцелярию Лёли. – Бумажные дневники давно канули в Лету, и в школах перешли на электронные. Так что давай-ка воспользуемся благами цивилизации.

Вытаскиваю из внутреннего кармашка рюкзака мобильный и вдвоём просматриваем данные карты и основные маршруты. Через минуту вся информация о местах посещения Лёли у нас в кармане, и мы делаем из неё два вывода. Первый – семья девочки действительно живёт по месту прописки. А второй – наша выпускница посещает только школу и иногда продуктовый магазин неподалёку. Всё.

Третья кружка чая в меня не лезет, и потому пора прощаться со Стасиком и топать к клиентке домой. Общественным транспортом, само собой, ведь ни про какое такси в этом возрасте речи не идёт. Но предварительно заглядываю в уборную, чтобы хотя бы немного привести в порядок и свой внешний вид, и мысли.

Лёленька оказывается вполне симпатичной девочкой. Конечно, я ещё в первую минуту в лаборатории отметила и волосы шоколадного оттенка, и чуть вздёрнутый носик, и худенькое телосложение. Но тогда для меня это всё шло фоном, и я не видела практически ничего, помимо огромных и напуганных глаз нашей гостьи. Зато сейчас у меня появилась возможность разглядеть её спокойно и критически.

Черты лица правильные. Скорее мягкие, и разве что тот самый носик выделяется точёной формой. На щеках едва заметные веснушки, которые теряются на фоне гормональных прыщей – их тоже немного, но Лёле однозначно стоит подкорректировать питание. Макияжа на ней нет, ногти короткие и без лака, волосы собраны в хвост, но и так понятно, что стрижка была самой простой и цвет для неё естественен. То есть, на себя и свою внешность девочка не тратится, но этому есть три вероятные причины: отсутствие денег, отсутствие мотивации или строгие

родители. Прислушиваюсь к Лёле, что спрятана глубоко внутри меня, и пока не нахожу ответа. Ладно, с этим разберёмся по ходу.

- Что же с тобой и твоим экзаменом не так, малышка? – спрашиваю у своего отражения, кончиками пальцев дотрагиваясь до прохладного стекла. – Что или кто может помешать тебе его сдать: нервы, атмосфера в семье или сама школа?

Привычно сдвигаю брови в задумчивости, но тут же исправляюсь – Лёле такое не идёт. Мою руки, слегка ополаскиваю лицо и после этого наконец покидаю пределы уборной. Со Стасом мы договорились, что на этот раз буду держать его в курсе, отчитываясь каждое утро и каждый вечер. Волков имеет в этом деле ещё и научный интерес, ведь раньше мы не сталкивались с провалами памяти: так или иначе, но воспоминания приходили в течении первых суток, а то и обрушивались на меня разом и я просыпалась уже с ними. Подозреваю, у остальных операторов была такая же ситуация.

Домой к клиентке меня вёз автобус, притом прямой. Я устроилась стоять в уголке, взглядом упёрлась в окно, а сама принялась размышлять о предстоящей операции. Вообще-то хотелось другого, а именно – подумать о Нюше. В прошлом я, кажется, наломала дров в отношениях с дочерью, притом куда как больше, чем могла подумать. Интересно, знал ли обо всём Костя? И если знал, то почему не предупредил меня?

Мотаю головой – к той девочке мне сейчас доступ закрыт, а упустить эту нельзя ни в коем случае. Поэтому усилием воли выбрасываю из головы образ разозлённой Нюши и погружаю себя в размышления о Лёле.

Так что же - нервы, родня или школа? По большому счёту, первые две причины можно объединить в одну, потому что переживать ребёнок будет только в том случае, если его успели как следует накрутить во время подготовки к экзамену. Заранее уверили, что если не сдаст его, то даже в дворники – по сути, весьма важную специальность – его не возьмут. Мне рассказывали случаи, когда дети падали в обморок от волнения прямо на экзаменах, но даже это намного лучше, чем нервный срыв или вообще какая-нибудь попытка суицида. Всего этого можно избежать, если не заставлять будущего выпускника прыгать выше головы и требовать невозможного. Но как быть, если проблема Лёленьки заключена не в семье, а именно в учителях и одноклассниках?

Я машинально выхожу на нужной остановке, постфактум сообразив, что несмотря на отсутствие воспоминаний тело прекрасно знает, как надо себя вести. Возможно есть смысл слегка ослабить контроль и позволить хозяйке «править балом», но обязательно, обязательно стоять на стороже.

Ключи висят на пушистом брелоке с забавной мордашкой, и я открываю ими входную дверь. Аккуратно прикрываю за собой дверь, на интуитивном уровне чувствуя, что кричать «я дома» или что-то вроде этого не стоит, потому что могу кого-то разбудить. Скидываю с ног кроссовки, вешаю толстовку на крючок, подхватываю рюкзак под лямки. И, обернувшись, взглядом натываюсь на крупного мужчину, который стоит в дверном проёме кухни.

Отец, подсказывает мне сознание Лёли. Воспоминаний нет, есть ощущения, и они весьма противоречивы. Впрочем, к чертям противоречия, потому что руки мужчины сложены на груди, а брови сдвинуты. Он явно недоволен тем, что только что увидел.

- Явилась наконец, - голос звучит негромко, но мы с Лёлей внутренне подбираемся. Кажется, впереди нас ждёт буря.

Глава 3. Среди родных стен.

- Уроки три часа назад закончились, а от неё ни слуху, ни духу. Лёля, ты вообще в своём уме?

- Извини, - отвечаю машинально. – Пришлось задержаться в читательском зале библиотеки.

Не уверена, что такая уловка сработает, но придумать другую времени не было. Почему-то из головы вылетело, что подросток обязан отчитываться о каждом своём шаге. Вернее, как раз помнила, но не учла, что в этот раз держать ответ придётся мне.

- «Извини», - передразнивают меня весьма обидным тоном. – Я что, просто так оплачиваю твой мобильный интернет? В чём проблема найти всё необходимое дома с телефона?

- Некоторые вещи в интернете не найти, - качаю головой. – Я в чём-то провинилась?

Стараюсь говорить одновременно спокойно и вежливо. Возможно даже заискивающе, но дети ведь априори в более низком положении, а я ещё не понимаю семейную обстановку у Минаевых.

- Как думаешь, кому пришлось сидеть с Алиской, пока твоя мать ходила в магазин? – сердито интересуется мужчина. – Я едва не пропустил начало совещания.

Ясно. Кажется, у кого-то просто плохое настроение, но это в принципе нормально. Посмотрим, насколько ненормальным будет всё остальное.

- Могу я пойти к себе? – уточняю, потому как меня по-прежнему рассматривают с суровым видом. Отец девочки морщится и снисходит до ответа.

- Иди уж, что с тебя взять. Руки вымой!

Вообще-то Лёля отправляется в ванную сама, без напоминаний. А я повторно отмечаю, что если слегка отпустить контроль сознания, то какие-то бытовые действия это тело проводит на автомате, используя предыдущие навыки. Есть вероятность, что если дать Лёле ещё немного больше свободы, то воспоминания начнут пробуждаться, но этого я делать не собираюсь: грань слишком тонка. Не уловлю её, и вовсе потеряюсь без возможности вернуться. Уж лучше попытаюсь докопаться до проблемы своими силами.

Квартира Минаевых трёхкомнатная, но не сказать, чтобы просторная. Впрочем, какие они ещё бывают в девятиэтажках старой постройки?.. Кухня квадратов на семь, совмещённый санузел. Коридор просторный, но именно там стоят шкафы с вещами и полки с бакалеей, а также гладильная доска. Самая маленькая из комнат отдана под кабинет отца семейства, потому как работает он из дома. Я пока не поняла, на постоянной основе или временно, а также чем вообще занимается. Но то, что эта семейка буквально варится друг в друге, не слишком-то полезно для психики каждого.

Оставшиеся две комнаты почти не отличаются по размерам, и главным преимуществом той, в которой обосновались родители Лёли, является наличие балкона. Но мы же понимаем, что там стоит не столик для утреннего распития кофе, а сушилка и место хранения лыж, зимней резины, а также прочего хлама. Во взрослой же находится и кровать младшей дочери, Алисы – её я вижу мельком в чуть приоткрытую дверь. Малышка сейчас спит, как и мать, и потому все остальные передвигаются по дому на цыпочках. Ладно, не совсем все.

- Лёлька-полька, пермамбольша! – слышу я достаточно громко, как только открываю дверь в ту комнату, в которой обитает наша клиентка. И первое, что вижу – двухъярусную кровать, со второй этажа которой на меня смотрит пострелёнок весьма бандитской наружности. – Чё, явилась и не запыхалась?

Не опускаюсь до ответа, и это задевает мальчика сильнее самой обидной дразнилки. Зато с тоской смотрю на обустройство детской. М-да уж...

Подозреваю, что на родителях Лёли дизайнерские способности отдохнули, потому как я даже не представляю, из-за чего ещё они настолько безграмотно смогли организовать пространство. Квадратное помещение правильной формы с одним окном и дверью напротив запросто можно было бы зонировать и поставить посередине комнаты хотя бы ширму. Но нет, вместо этого в центре монолитом стоит деревянный двухэтажный монстр не самой качественной сборки, а по бокам втиснули по крохотному комоду. Столов, к счастью, здесь тоже два, но меньше всего они располагают к долгому и вдумчивому сидению за уроками. Один и вовсе похоронен под конструкторами и бумажными самолётиками, и очень надеюсь, что это стол брата клиентки.

Перевожу взгляд вверх, ко второму жильцу комнаты. Тот гримасничает, но явно делает это от скуки. Память услужливо подкидывает имя «Пётр», а мои глаза видят весьма упитанного девятилетку с прямыми и отросшими волосами, в очках с круглой оправой, перемотанной посередине, и улыбающегося мне щербатой улыбкой. Недобро улыбающегося. У меня самой есть брат, но он меня сильно старше, и мы почти что не общались именно как родня. Со второй моей сестрой у них была разница в два года, и именно их отношения я и вспоминаю сейчас: порою они ругались, ворчали друг на друга, но всерьёз никаких скандалов не было. И в первую очередь потому, что старший брат априори защитник, его воспитывали именно так. Возможно со временем Петя вырастет защитником для Алисы, но с Лёлей им общий язык найти наверняка ой как сложно.

- Ты чё, воды в рот набрала? – опять слышу голос мальчика. – Стоишь, зыришь тут.

Мальчишка подпрыгнул на своём месте, и я воочию представила, как громко под ним будет скрипеть кровать абсолютно всё время, пока этот кабачок там.

- Уроки уже сделал? – задаю стандартный и нейтральный вопрос, который наверняка выдаёт любая старшая сестра.

- А нам ничё и не задали.

Мне показывают язык, и я понимаю, что мальчишка врёт. Но это ведь не мой ребёнок, и контролировать его успеваемость – не моя забота. А вот разобраться в делах Лёли стоит прямо сейчас, пока есть свободное время.

Прохожу к комоду, забираю футболку и шорты, которые наверняка позиционируются как домашние, и отправляюсь в ванную, чтобы переодеться. Как же это неудобно, делить комнату с младшим братом! Но не успеваю я вернуться и разобрать рюкзак, как из соседней комнаты слышу требовательное кряхтение. Видимо, младшая Минаева проснулась и требует внимания. Ладно, не критично – меня пока не слишком беспокоит шум, и очень надеюсь, что Лёля тоже привыкла учить уроки под чужие голоса и комментарии. Но до того, как усаживаюсь за стол, безо всякого стука в комнате открывается дверь.

- Лёля, ты где так долго пропадала? – запыхавшись, спрашивает у меня полноватая женщина с совершенно растрепавшимся пучком на макушке. Кажется, структура волос у нашей клиентки мамина. – Ладно, неважно – держи.

Женщина, Елизавета, как подсказало сознание, вручает мне что-то и скрывается из комнаты так же стремительно, как и вошла. Я же только несколько секунд спустя понимаю, что на вытянутых руках держу годовалую и достаточно тяжёлую Алису.

- Ты чё застыла? – слышу сверху, и понимаю, что меня начинает подбешивать это отсутствие в лексиконе мальчика слов «чего» и «почему». – Руки отвалятся так её держать.

- Скажи мне, Петенька, – уточняя вкрадчиво, то и дело переводя взгляд со скучившейся малышки на брата клиентки, который сейчас залип в телефоне. – А для каких целей нашу младшую сестру принесли ко мне?

- Лёлька-полька, ты там совсем кукухой поехала? – кажется, мальчишку даже веселит моё поведение. – Мать готовить пошла, а ты пока с мелкой сидеть будешь. Потом похаваем и начнёшь помогать мне с уроками.

- Тебе же вроде как не задали... - припоминаю, вглядываясь в девочку.

- А может чего и найдётся, как знать.

Это, мать вашу, не жизнь, а какой-то чёртов форт Боярд. Только вместо поисков сокровищ в крепости мне придётся искать смысл во всей этой клоунаде, и Паспарту уже сидит у меня на руках. Начинаю скучать по мужьям-изменникам и крикливым свекровям. Они во всяком случае всегда могли сходить в туалет без моего участия, а вот Алису, кажется, не помешало бы усадить на горшок.

Хорошие мои, по средам и субботам я буду выкладывать другую книгу - большую семейную сагу "Цена ошибки"

<https://litnet.com/shrt/-vha>

Поэтому с вами мы встретимся в четверг:)

Глава 4. Наблюдение.

За три часа в квартире Минаевых я немного освоилась и в некотором смысле свыклась со своим положением. Память по крупицам, но всё же приходила, к тому же я внимательно наблюдала за происходящим и пыталась делать выводы и составлять портреты семейки.

Первый на очереди у нас глава семейства, Пётр Минаев старший. Он трудится менеджером по продажам чего-то там, а возможно и много всего сразу. Его рабочий день состоит из постоянных созвонов, совещаний, переписки и прочей лабуды, которую лично моя мама описала бы как «что угодно, лишь бы на заводе не работать». Однако эта деятельность позволяет худо-бедно, но всё же содержать семью из троих детей и жены-домохозяйки. Пётр весьма ворчлив, пытается требовать от всех уважения и подчинения, хотя назвать его мелким тираном у меня не повернулся бы язык. А ещё он весьма прохладно относится ко всем хозяйственным делам и вопросам воспитания детей, принадлежа к тому типу мужчин, которые свято уверены, будто добывание мамонтов – единственная его обязанность.

Следующая – Елизавета Минаева. По фотографиям из старого альбома Лёля помнит эту женщину тонкой и звонкой, с копной каштановых волос и широкой улыбкой. Эдакая беззаботная хохотушка, не думающая о завтрашнем дне. Кажется, от той веселушки от Лизы осталась только неспособность к планированию, потому что настолько неорганизованных женщин я ещё не встречала. Мать нашей клиентки не в состоянии правильно распределить своё время и организовать быт, и это я заметила уже по тому, как проходил процесс готовки. Вначале отварились макароны, и только после того, как те были отброшены в дуршлаг, она начала доставать из холодильника фарш для котлет. Стоит ли упоминать, что в итоге вся семья вынуждена была есть холодные и слипшиеся рожки в тандеме с перегорелыми, но при этом сырыми внутри котлетами, а после ещё и утешать горе-повариху, вполне искренне переживавшую за результат. Кажется, от обеда удовольствие получила только Алиса, которая до сих пор питалась готовой едой из консервов, и несколько раз Елизавета вздохнула, насколько бы освободилось её время, питайся семья едой из доставки. Подозреваю, разговор этот происходил не в первый раз, потому как Пётр ел, поскрипывая зубами, но всё равно упорно утверждал, что готовка жены самая лучшая на свете. Вот почему я не переместилась в тело Лизы? Две недели. Две, и у меня бы получилось полностью наладить быт в этой семье! Но... Ладно.

К младшему Петру и к Алисе претензий вообще никаких, потому что они росли ровно такими, какими и положено быть детям. Третьеклассник являлся весьма откормленным шалопаем со средней успеваемостью и не особо развитым словарным запасом. Зато был наблюдателен и неплохо соображал. Таких вот мальчишек надо мягко направлять в нужное русло, не требуя блестящей успеваемости по всем подряд предметам. Тогда к двадцати годам перед вами окажется вполне толковый молодой человек с готовой профессией, крепким кругом общения и уверенными взглядами на жизнь. Конкретно за этого пока сказать ничего не могу, да и не Петя моя нынешняя проблема. Младшая Минаева же и вовсе классический годовалый пупс: тянет всё в рот, часто вместо двух ног передвигается на четырёх, едва разговаривает, а ещё то и дело требует смены подгузника. Дети, что с них взять! Вот что меня по-настоящему волнует, так это роль Лёли в семейной иерархии.

- Так. Я готовила, а кто будет посуду мыть?

Елизавета строгим взглядом обводит домочадцев. Не прячет глаза только Алиса, которая, не сомневаюсь, с удовольствием уселась в раковину и сама.

- У меня ещё один созвон, - глава семейства быстро доскребаёт содержимое тарелки и поднимается из-за стола.

- А мне ещё три страницы дочитать.

Петька откровенно врёт про чтение, потому что до запоздалого обеда он просто резался в игрушку на телефоне. Подозреваю, учебники и вовсе не вытаскивались из рюкзака, хотя домой обязан был вернуться раньше, чем одиннадцатиклассница.

- Тогда ты, Лёль, - мать пожимает плечами и поднимается из-за стола. – Закончишь, потом с Лисёнком посиди, пока я за продуктами на ужин схожу.

Я застываю с вилкой в руках, так и не донеся её до мойки.

- Mamочка, - говорю осторожно и вкрадчиво. – А ты разве не была уже сегодня в магазине?

- И? – женщина смотрит на меня с недоумением.

- Разве нельзя было взять продуктов сразу на два приёма пищи? К чему эта трата времени на беготню?

- Траты бы не было, если бы твой отец не вставал в позу всякий раз, когда я заказываю доставку, - фраза была сказана достаточно громко, чтобы супруг из кабинета тоже всё услышал. Судя по тишине, игнорировать главе семейства намного проще, чем держать ответ. – Видите ли, не хочет общаться с курьерами... И вообще, тебе-то что? Готовить-то мать вам обязана, словно баринам!

- У меня уроки ещё не выучены, - признаюсь, хотя на самом деле больше меня интересуют дневники нашей маленькой клиентки. А вместе с ними и разгадка нашего ребуса. – После того, как помою посуду, хотела бы приступить к ним.

- Ну так учи, - Елизавета пожимает плечами. – Я тебе что, запрещаю?

- Готовиться и одновременно присматривать за Алисой у меня не получится.

Мы сталкиваемся взглядами, и мою оппонентку это явно раздражает. Фыркнув «ясно» и «ну извини, что посмела побеспокоить», она демонстративно покидает кухню, взяв подмышку младшую дочь, и идёт в кабинет.

Пока я соскребаю с тарелок остатки еды, до моего слуха доходят фразы «совсем от рук отбилась», «перечит через слово», «никак не могу похудеть на фоне постоянного стресса». Кошусь на верх холодильника и отмечаю, что там лежат четыре коробки шоколадных конфет. Каждая из них открыта, и конфетки наверняка берутся по очереди – хитрый приём, помогающий создать видимость малого потребления углеводов. Благодаря нему можно спокойно лопать шоколад, а потом просто жаловаться на стресс, магнитные бури, миграцию лемингов, или что там ещё повинно в наборе веса. Возможно, колебания температур на полюсах Марса?

Включаю воду, потому что подслушивать и дальше уже неинтересно. Причина, почему Лёля боится экзаменов, мне уже ясна – она элементарно не успевает к ним подготовиться. Кто везёт, на том и едут, а в этой семье везла именно старшая дочь.

Намыливая первую партию тарелок, пытаюсь покопаться в старых воспоминаниях Лёленьки. Они мне по-прежнему не подвластны в полной мере, но вроде как в них присутствует пожилая женщина и какая-то другая квартира. Молодая семья Минаевых скорее всего проживала с кем-то из родителей, и именно свекровь или тёща помогали растить девочку. Что кажется ещё более вероятным, помогали настолько активно, что с последующими детьми вроде бы опытная мать уже не могла справиться, и потому к процессу привлекалась старшая, более спокойная и очень послушная дочь. Петю Лёля тоже нянчила, сидела с ним на детской площадке и помогала с уроками. Но младшую Алису порой могли оставить с сестрой и на полдня.

Что интересно, нечто внутри меня отчаянно стыдилось недавнего «бунтарства» в моём исполнении. Хотелось пойти и извиниться перед матерью, забрать сестрёнку, а то и позволить родителям весь вечер отдыхать от забот. В обмен на это старшеклассницу наверняка назовут послушной и примерной девочкой, возможно даже с благодарностью улыбнутся. А она и рада будет потом учить уроки в ночи, засыпая на ходу, зато никого не обидев. Помимо себя, разумеется.

Вытираю уже чистые тарелки полотенцем и раскладываю в сушилку. Пётр пусть и ворчлив, но о семье заботится. Да и Елизавета – хорошая мать, которую старшие дети помнят весёлой, доброй и лёгкой на подъём. Просто забота о семье и маленьких детях даётся этой женщине с трудом: то ли она просто не умеет этого делать, то ли здесь сказывается особенность характера. Просто сейчас в этой семье довольно сложный период, и каждый из членов обязан прокручиваться в общей мясорубке жизни вместе с остальными. Надо запастись терпением, чтобы всё это пережить с минимальными потерями.

Прихожу в детскую и начинаю перебирать содержимое рюкзака и ящиков стола. Моя цель – личный дневник Лёленьки, ведь именно туда молоденькие девочки обожают записывать свои секреты. О том, что кому-то помешаю, речи нет, ведь Петя вместо чтения методично отрабатывает чеканку футбольным мячом. Ненастоящим, разумеется, а мягким и надувным. Получается у мальчишки из рук вон плохо, да он и не старается, а просто мается дурью.

Дневника нет. Ни в ящиках, ни под подушкой, ни в потайном кармашке школьного рюкзака. Я, разумеется, разочарована, но чего-то такого и ожидала: наличие в той же комнате вездесущего любопытного младшего брата сводит понятие личного пространства не просто в ноль, а даже в минус. Но меня не оставляет надежда, что Лёленька вела дневник виртуальный, и именно его планирую почитать перед сном. Но не сейчас: пока что стоит изображать прилежную ученицу.

Я открываю электронный дневник и просматриваю домашку на завтра. Эссе по литературе, параграф по биологии, история и целых три математики под разными названиями. Такое себе развлечение, особенно если учесть, что Елена Минаева считается круглой отличницей, а значит спрашивать с неё будут по полной программе. Но делать нечего, и я пододвигаю к себе учебник по биологии.

Дверь раскрывается резко и опять-таки без стука. Мать осматривает нас скептически, требует, чтобы я перестала сутулиться, а Петя наконец сел за уроки. Одета Елизавета в уличный спортивный костюм, волосы закручены в такой же пучок на макушке, но аккуратный, а через плечо висит небольшая сумочка. На руках у женщины сидит довольная Алиска, но в отличие от матери одета просто в домашний слип.

- Она посидит здесь тихонечко, никому мешать не будет, - женщина ссаживает младшую дочку на пол, и та с визгами забирается на как раз упавший на пол мяч старшего брата. – Скоро вернусь.

Перевожу взгляд с закрытой двери, которую в моём воображении ещё и подпёрли с обратной стороны стулом, дабы дети не разбежались по квартире, на маленькую Алису. Потом на свой учебник, в котором рассказывают про новейшие исследования в области генетики. Учебнику, правда, уже три года, но в сравнении с катаклизмом, что разворачивается передо мной, это всё мелочи.

- Петь, а почему мама не могла просто взять Алису с собой?

Не то, чтобы я настроена на вдумчивый и серьёзный ответ. Но если сравнивать двух этих собеседников, то Петя имеет явное преимущество уже хотя бы в том, что может сам сходить в туалет и даже умеет читать.

- Ну ты и вправду кукухой поехала, - мальчишка одним взмахом руки сваливает на пол всё, что было на столе, а после водружает туда учебник по русскому. Алиса с восторгом падает на четвереньки и подползает к этой горе сокровищ. – Мать всегда уходит, чтобы от нас отдохнуть. А как можно отдыхать, когда Лиска будет с ней?

Знаете, я всё понимаю. И послеродовую депрессию, и день сурка у домохозяек, и элементарное выгорание. Но как я, чёрт побери, подготавлиюсь к экзамену Лёли, если вокруг творится полнейший хаос?!

Понятие «скоро» для Елизаветы и для нас отличалось кардинально: женщина вернулась через один час и восемь минут. Разумеется, я засекала, потому что именно мне приходилось

учить биологию, держа на руках годоваса, ведь если этого не делать, Алиса обязательно тянула что-нибудь в рот. Проще было бы оставить уроки и вовсе, занявшись малышкой, но у меня не было никакой уверенности, что получится выучить их позже. Закупленные продукты наверняка нужно будет разложить, а ужин – приготовить. А после снова помыть посуду, и небеса меня пощадят, если не выяснится, что мыть младшую сестру также входит в мои обязанности.

Кажется, небеса и вправду оказались на моей стороне, потому что перед ужином Алиса перекочевала к отцу. Тот смотрел футбол и в принципе не был против, чтобы годовалая дочь в этот момент ползала по дивану и по нему самому, обгрызая зубами пульт и край его футболки. Зато к окончанию матча малышка бойко скандировала «судю намыля!» и ещё одну фразу, которая весьма веселила отца и повергала в шок меня и мать малышки.

После ужина и мытья посуды я наконец смогла приступить к написанию эссе. Произведение я знала, но эти чёртовы рамки и жёсткие требования убивали. Какие ещё двести слов, там и на пятьдесят не наскрести! Но делать нечего, пишу, а заодно пытаюсь контролировать домашку мелкого упыря-Пети.

- Лёль, а семь плюс восемнадцать – это сколько?

- Двадцать пять, - рычу, потому что из-за постоянных вопросов никак не могу сосредоточиться и дописать предложение.

- А водяной и водный – это коренные слова или родственные?

- И то, и другое.

- Нужен один ответ!

- Петя, - поворачиваюсь, отчаявшись закончить текст сходу. – Скажи, тебе голова нужна исключительно для того, чтобы в неё есть и играть в футбол?

- Э! Ну-ка не обзывайся, а то отцу пожалуюсь.

- Все твои вопросы и выеденного яйца не стоят, и могли бы быть решены тобой, если бы ты просто подумал полминуты.

- Пап! – мальчишка поднимается из-за стола и уносится из комнаты. – Мам, пап! Лёлька ругается про яйца.

Двадцать минут нотаций спустя я, совершенно обессиленная, наконец-то приступила к математике.

В одиннадцать часов глаза у меня слипались и в них будто насыпали по горсти песка. Дома у меня стояли капли для увлажнения слизистой глаза, но Лёле такого роскошества не предоставили. Подозреваю, капли отсутствовали даже у её отца, хотя он и проводит перед экраном кучу времени. Но даже когда с уроками и гигиеническими процедурами оказалось покончено, о сне и речи быть не могло.

Как выяснилось, Минаевы-старшие активно ратовали за поддержку режима дня. То есть, после двадцати трёх часов детям полагалось спать. То, что Лёля из-за домашних забот могла элементарно не успеть к этому сроку, никого не волновало: график есть график. Не успела — значит плохо занималась днём. Но хотя бы в этом вопросе мы с Петей оказались солидарны, и каждый сидел в своём телефоне под покровом одеяла.

Сперва я прошлась по всем сайтам, на которых сидела Лёлочка. Тех оказалось немало, особенно социальных сетей, но под своим именем и аватаркой она не засветилась нигде. Избранных тоже оказалось раз-два и обчёлся, и это меня настораживало. В закладках я действительно обнаружила сайт с виртуальными дневниками, но тот был девственно чист, и это натолкнуло меня на мысль. Забираюсь в почту девочки и действительно обнаруживаю там письмо от прошлой недели, в котором администрация сайта уведомила, что тридцатидневный срок на восстановления электронного дневника истёк и теперь все записи утеряны безвозвратно.

Откидываю голову на подушку и прикрываю глаза. Тридцать дней плюс ещё неделя... Что же такого произошло у нашей клиентки, что она предпочла затереть всю информацию об этом?

За последние часы я почти уверилась, что главная проблема Лёли – это семья. Но как знать, вдруг всё окажется ещё глубже?.. К тому же у девочки не обнаружилось подруг, с которыми она вела бы какую-нибудь пустяковую переписку. Общие группы для постинга котиков, вздыханий о мальчиках и обсуждения того, какая физичка язва... Только школьная группа с учителем и без возможности писать там кому-либо, помимо админов. Маловато будет...

Понимаю, что ещё чуть-чуть, и провалюсь в сон, поэтому захожу в свою рабочую почту и строчу для Стаса отчёт. Стараюсь описывать всё кратко и лаконично, хотя были бы силы, обязательно разнообразила эпистолярный жанр: написание эссе плохо на меня действует.

Чищу кэш, закрываю все ненужные странички и ставлю телефон заряжаться. Прикрываю глаза, стараясь игнорировать ёрзание Пети на своём этаже, и погружаюсь в беспокойный сон. А ещё хвалю себя, что хотя бы во время бодрствования не отвлекалась на воспоминания о разговоре с дочерью.

Глава 5. Школа.

Заснула я, конечно, позже обычного, но совершенно невыспавшейся оказалась не поэтому. В пять утра Алиса распахнула дверь ровно таким же жестом, как это делает её мать, и наполовину прошла, а наполовину проползла к нам в комнату. На второй этаж заползти у неё, к счастью для Петра, не получалось, зато ко мне на кровать – вполне.

- Лёля! – малышка с улыбкой вцепилась в мою щёку зубками, по всей видимости так целуя. – Кусать. Ам.

- Насчёт «кусать» иди к тем, кто тебя рожал, - ворчу, пытаюсь зарыться в подушку с головой. – Я что, обязана тебя ещё и завтраком кормить?

- Кусать, кусать, кусу кусать!

По вам когда-нибудь скакал бутуз весом в десять килограммов? По мне – да, но очень и очень давно. Я свою смену уже отстояла, а Леночке Минаевой пока ещё рано. Почему мы с нею не можем просто взять и поспать?

Отчаявшись, встаю с кровати, беру кабачка-Алису на руки и топаю в спальню родителей.

- Mam, pap, - говорю громко. – Алиса голодная.

- Дочь, мы с нею полночи возились, - устало приподнимает голову Пётр-старший, а его супруга делает вид, что спит глубоко и крепко. – Покорми её сама, там же только кипятком порошок залить.

Вообще-то очень хотелось оставить девочку здесь и просто закрыться в своей комнате, но я этого, разумеется, не сделала. Ночи с маленьким ребёнком действительно бывают разными: то режим собьётся, то зубки режутся, то ещё какая оказия. Мы с Костей тоже через это проходили, и не раз и не два с утра выглядели как зомби из той игры, в которую режется Петя. Да и замка на двери детской попросту нет, поэтому тяжело вздыхаю и топаю на кухню, чтобы поставить чайник.

Разумеется, этим мои дела не ограничиваются, ведь ребёнка надо ещё и переодеть, умыть и усадить на горшок. Последнего, кстати, не вижу, поэтому Алиса сидит прямо на унитазе, поддерживаемая мною, и с весьма задумчивым видом делает свои дела. Потом мы обе умываемся, убираю пушистые волосики малышки в два хвостика и топаем на кухню.

Каша сегодня у нас будет на всех, и варю я её тоже с запасом. Не сделаю этого, и не выспавшиеся родители обязательно выскажут Лёле что-то в духе «ну всё равно же готовила, сложно было сделать на порцию больше?». Не на порцию, а на три, но правильная Лёля внутри меня наверняка начнёт есть себя поедом. Вообще-то для меня не проблема соорудить и полноценный завтрак, но я себя быстро останавливаю. Стоит девочке один раз показать, что она что-то умеет, как это становится её обязанностью. По логике родителей, они просто готовят её ко взрослой и самостоятельной жизни. По мнению моему, которая находится сейчас в теле подростка, это пахнет издевательством.

К семи тридцати малявку начинает клонить в сон, и я укладываю её под бок к матери. Почти что сразу у отца срабатывает будильник. Он топает по квартире, хлопая то холодильником, то кофе-машиной, а после заглядывает в детскую и напоминает, что пора собираться в школу. А ведь я только-только настрочила отчёт Стасу и планировала немного подремать...

Петя, заснувший ещё позже меня, поднимается только с пятой побудки, впихивает в себя кашу, которую щедро полил вареньем и сгущёнкой в соотношении один к одному, а после так же медленно натягивает на себя школьную форму. Он учится при том же лице, что и сестра, и отводить его – традиционная обязанность Лёли. Я, если честно, планировала как-то приодеть нашу старшеклассницу, или хотя бы слегка накрасить и причесать, но после столь ранней побудки уже ничего не хочется, помимо кофе, которого Лёле пока что нельзя.

Лицей встречает меня традиционным для любого учебного заведения гамом, суетой и хмурыми лицами охранников. Гардероб уже не работает, поэтому сменную обувь и кофты оставлять полагается прямо на крючках. С недоброй ностальгией вспоминаю собственные школьные дни. Быстро переобуваюсь, едва взглянув на отражение в зеркале, и топаю в класс.

Первым уроком по расписанию у Лёли значится алгебра. Математика – это хорошо. К ней есть способности и у самой девочки, и у меня, так что особые волеяния отсутствуют. Машинально прохожу к первой парте и отмечаю, что никаких соседей у меня нет. Интересно, почему? Возможно, Лёлина соседка или подруга просто опаздывает. Ну или... ладно, о том, что с Лёленькой могут просто не хотят сидеть, подумаем потом.

Провожу пальцем по парте и с облегчением не обнаруживаю на ней пыли. Состояние стульев радует меня куда как меньше – те деревянные, не покрывались лаком год и зацепки на одежде вполне возможны. К счастью, на мне сейчас брюки, а не капроновые колготки, иначе жить тем оставалось бы считанные часы.

Вообще-то я переживала, что в этом лицее весьма суровые правила, но нет, к внешнему виду можно относиться достаточно вольно. К примеру, школьная форма для девочек состоит из блузок, серых жилеток и на выбор юбки или брюк, также серого либо чёрного цвета. Лёля отдаёт выбор штанам, хотя у неё вполне красивые ножки. Впрочем, что взять с подростка, которых видит в себе либо исключительно недостатки, либо считает себя центром земли, а иногда эти два состояния и вовсе сочетаются. Брюки меня более чем устраивают, и я, отбросив мысли о внешнем виде, сосредотачиваюсь на предстоящем уроке.

В класс входит женщина слегка за сорок. Строгий костюм, очки с оправой в виде трапеции, ярко подведённые губы изогнуты в недовольной гримасе, а между бровей залегла складка, с которой с трудом справляются уколы красоты. Эдакое живое воплощение мегеры, от которой сбежали даже змеи, и я искренне удивлена, как в престижный лицей попал подобный экземпляр. Или скорее почему её не перевоспитали родители. Впрочем, очень может быть, что именно эта дамочка и умеет держать старшеклассников в ежовых рукавицах, вбивая в их головы пласты знаний, а судить о книге по обложке никогда не стоит.

Память моя упорно молчит, не желая подсказывать имя и отчество мегеры, а посмотреть в электронном дневнике заранее я не догадалась. Обидно, потому как на уроке в телефон не залезть, но тешу себя надеждой, что устного опроса не планируется. А если и да, то Лёленьку эта участь обойдёт стороной.

Первым к доске вызывают какого-то мальчишку с последней парты, и я уже по его походке определяю, что тот сейчас будет стоять у доски, переминаясь с ноги на ногу. Математика вообще не самый простой предмет. Математика в математическом лицее – тем более, и потому требований к ученикам здесь вагон и маленькая тележка. Спустя три минуты позора и самую малость унижений, мальчишка возвращается на место с такой вальяжной походкой, словно не двойку получил, а почётную грамоту. Но, словно желая поскорее разделаться с надоевшей темой, вторую попытку решить пример из домашней работы учитель делает за счёт отличницы.

- Минаева, к доске.

Внутренне я, разумеется, чертыхаюсь, но деваться особо некуда. Да и домашнюю работу я вчера за Лёлю сделала, и ничего особо сложного там нет. Становлюсь у доски, беру учебник педагога и начинаю переписывать пример. И почти сразу же слышу за своей спиной смешки.

Замираю буквально на секунду, но перебарываю желание обернуться или провести руками по спине. Со мной что, что-то не так? Вляпалась в краску, надела жилет наизнанку, или на брюках остались следы варенья от Петькиной каши? Нет, одежда должна быть в норме, ведь я проверяла её перед выходом и у зеркала в школьной гардеробной. Тогда по какому поводу веселье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.